

МАМИН-СИБИРЯК
Дмитрий Наркевич

Мамин-Сибиряк Д.Н. (1852—1912) — русский писатель, публицист. Выпускник Екатеринбургского духовного училища (1868) и Пермской духовной семинарии (1872). В 1877—1891 гг. жил на Урале, преимущественно в Екатеринбурге. Автор художественных произведений, реалистически изображающих горнозаводскую жизнь Урала и Сибири второй половины XIX в.

**«...ЕКАТЕРИНБУРГ ДОЛЖЕН СЛУЖИТЬ
КРУПНЫМ КУСТАРНЫМ ЦЕНТРОМ —
В ЭТОМ ЕГО БУДУЩЕЕ...»**

Из очерка «Город Екатеринбург». 1888 г.

По народной примете, счастливые люди рождаются в сорочке, и мы позволяем перенести это сравнение на Екатеринбург, который в ряду других русских городов занял, с первого дня своего появления на Божий свет, совершенно исключительное место. Возникновение Екатеринбурга связано в нашей уральской летописи с именем первого русского историка В.Н. Татищева — этот последний выбрал и место для города, и служил для него как бы крестным отцом. В пестрой среде русских городов Екатеринбург является действительно «живым узлом», особенно по сравнению с другими городами, историческая роль которых, как сторожевых, военных или торговых пунктов, давно кончилась. Жизнь обогнула их и создала новые «живые узлы». Петровское время строило немного, но зато петровские города носят в себе совершенно своеобразный отпечаток, точно на них отразились гениальные замыслы великого царя-пре-

образователя. Екатеринбург является именно таким петровским детищем, окрещенным именем его любимой жены, хотя собственно городом Екатеринбург сделался в 1781 г., в царствование императрицы Екатерины II...

Обстоятельства основания Екатеринбурга следовали в таком порядке. В 1720 г. Петр I послал на Урал артиллерийского капитана В. Н. Татищева, которому было поручено временное заведывание горнозаводскими делами. Тогда существовал Уктусский завод, основанный в 1704 г. на мелководной речке Уктуске. Татищев, приехав на Урал, сразу увидел все неудобства этого Уктусского завода, и в январе 1721 г., по указаниям уктусских мастеров, отыскал новое место для завода, именно то самое, где сейчас стоит Екатеринбург. В своем доношении в берг-коллегию, во главе которой тогда стоял известный чернокнижник граф Брюсс, Татищев представил все выгоды нового, облю-

бованного им места, которое он сразу наметил горнозаводским центром. Так как ожидать ответа, при тогдашних путях сообщения, было долго, то нетерпеливый Татищев сейчас же приступил к постройке нового завода, причем уже задавался широкими планами: провести через этот пункт главный сибирский тракт, проходивший тогда через Верхотурье, перевести сюда из Ирбита ярмарку, сосредоточить главное горное управление, основать первые школы, ввести новые производства и т. д. Но в мае 1721 года последовал от берг-коллегии отказ, и Татищев должен был приостановить работы. Последовала новая переписка, и на этот раз берг-коллегия изъявила наконец свое согласие. Для окончательного решения вопроса, быть или не быть новому заводу на р. Исети, послан был на Урал советник берг-коллегии Михаелис, который отнесся к затее Татищева подозрительно и не одобрил его начинания. Но Татищеву в это время было не до нового завода, потому что в свое короткое пребывание на Урале он успел поссориться с всесильным тогда заводчиком Ак. Ник. Демидовым и должен был отправиться для объяснений в Петербург. Это было в 1722 г. Чтобы разобрать ссору Татищева с Демидовым и привести в порядок горнозаводские дела, Петр I отправил на Урал устроителя Олонецких заводов генерала Геннина. Этот немецкий генерал был редким птенцом орлиного петровского гнезда — деятельный, преданный и в высшей степени честный. Прежде всего, он разобрал ссору Демидова с Татищевым, а затем осмотрел заводы и вполне одобрил план Татищева. Таким образом, судьба Екатеринбурга была решена. Весной 1723 года работа закипела...

... Если смотреть на город в летний ясный день с вокзала железной доро-

ги или с въезда по упраздненному московскому тракту, картина представляется замечательная: на западе волнистой линией отступает синеватая дымка Урала, р. Исеть разливается широким плесом, а берега усыпаны массой построек. Получается самое пестрое впечатление, и глаз напрасно ищет центра. Широко расставленные церкви раздвигают поле зрения на несколько верст. Всматриваясь внимательно в эту пеструю картину, вы невольно приходите к заключению, что это даже не город в собственном смысле слова, а соединение нескольких городов. Так оно и есть в действительности, а картинный беспорядок построек служит только живой иллюстрацией последовательных исторических наслоений: вот четырехугольник бывшей крепости, к югу от нее «заимка» бывших сальников, отдельную высоту занимают палаты заводчиков, на торговой стороне крепко осело гнездо офеней, слобода Мельковка — отдельный мещанский городок и т. д. Другой яркой особенностью Екатеринбурга служит то, что на него со всех сторон надвигаются пригородные селения, как Уктус, Шарташ и особенно Верх-Исетский завод. Ряд заимок, дач, мельниц и заводов составляют отдельные звенья одной живой цепи, которая тянется на десятки верст по течению р. Исети. Не нужно особенной проницательности, чтобы сказать, что вся эта широко раскинувшаяся селитьба составляет одно органическое целое и что центром служит Екатеринбург в его настоящем виде. Не только обыкновенные русские города, но и наши столицы как-то сразу обрываются: выехал за город, и сейчас пошла писать на сотни верст настоящая деревенская глушь. Это — признак искусственно созданных административных центров, и Екатерин-

бург в этом случае представляет редкое исключение, являясь действительно «живым узлом» целой области. Вот в чем, по нашему мнению, заключается характерная особенность физиономии Екатеринбурга как города...

Мы не будем вдаваться в подробности настоящего Екатеринбурга — это выходит из рамок настоящего исторического очерка... Ограничимся только кратким перечислением того, что выдалось за эти годы.

К открытию выставки [имеется в виду Уральская научно-промышленная выставка 1887 г. — Ред.] Екатеринбург имел уже три газеты: кроме «Екатеринбургской Недели», основаны были в восьмидесятых годах «Екатеринбургские Епархиальные Ведомости» и «Деловой Корреспондент». Екатеринбургское земство организовало свою новую статистику по новому типу, что, без сомнения, в недалеком будущем даст богатые и единственные материалы для изучения нашего благословенного Зауралья. Весной 1887 г. произведена однодневная перепись Екатеринбурга. Открыт нищенский комитет, и предвидится открытие воспитательного дома на средства, пожертвованные купцом С. Петровым. Увеличилось число библиотек, открылось несколько новых типографий; появилась первая литография; недостает только публичной библиотеки и большого книжного магазина. Возникли два артистических кружка: музыкальный кружок и общество любителей драматического искусства. Даже организовалось общество охотников, устав которого уже утвержден.

Образование самостоятельной екатеринбургской епархии в 1887 году служит предвестником имеющей открыться екатеринбургской губернии, — последнее, без сомнения, составляет только вопрос времени. Что каса-

ется преобразования Екатеринбурга в губернский город, то едва ли собственно город много выиграет от этого, а что он потеряет свою настоящую характерную физиономию — это несомненно. Образование нового административного центра имеет значение для администрации, а собственно Екатеринбург получит только чиновничью окраску, какой не имел до сих пор. Для города, по нашему мнению, будет иметь более значения разрешение таких вопросов, как направление строящейся Самаро-Уфимской железной дороги, выяснение права на недра земли, изменение некоторых статей горного устава, определение юридического состава посессионного владения, надел земель заводского населения, основание в Екатеринбурге горной академии и технических школ, организация кредита для мелких производителей и т. д.

Считаем своим долгом подробнее остановить внимание читателя на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 г., которая для Урала является как бы юбилеем первой четверти свободного века, а для Екатеринбурга, в частности, служила прекрасным подтверждением его центрального положения и открыла в будущем широкую перспективу.

Эта выставка сама по себе представляет в высшей степени знаменательное явление, как первая в таких больших размерах выставка, возникшая по почину маленького провинциального ученого общества и, наконец, как выставка, осуществившаяся сравнительно на ничтожные средства. Здесь все характерно... Нас могут заподозрить в излишнем патриотизме, поэтому всего удобнее привести мнение лица постороннего, компетентность которого в этом деле не требует подтвер-

ждения. Именно, в специальной статье о Сибирско-Уральской выставке профессор Московского университета Д. Н. Анучин говорит следующее: «Подводя итоги, мы не должны забывать, что выставка была задумана и устроена бедным средствами и силами «обществом любителей», которому приходилось бороться со многими неблагоприятными условиями для ее осуществления; что это был первый опыт подобного рода за Уралом — опыт сравнительно грандиозный и который, по самой обширности своего плана, не мог не обойтись без недостатков и пробелов; что задача выставки содействовать ознакомлению русского общества с Уралом и Сибирью и созданию в Екатеринбурге настоящего научно-промышленного музея была задачей прекрасной и своевременной; что, наконец, это было одно из первых общественных предприятий, внесших жизнь и движение в Приуралье, соединив различные сословия и классы общества в работе для общей цели, заставивших оглянуться на себя и оценить свое хорошее и свое дурное, свои богатства и свою бедность. Приняв все это во внимание, нельзя не поблагодарить «Общество любителей» за его смелый почин и за его удачный опыт. Уральское общество может смело сказать: мы сделали, что могли».

Конечно, горнозаводский отдел вышел лучше других, что и должно было быть — за горнозаводчиками стояло все: громадные средства, благодарный выбор экспонатов и известная выставочная опытность. Но в то же время, уже совсем неожиданно, выдвинулись такие забвенные отделы, как учебный и кустарный. Деятельность городского и земского самоуправления здесь заслужила справедливое удивление всех беспристра-

стных людей, и если всегда можно и следует желать лучшего, то это не должно мешать делать справедливую оценку настоящему. Особенно привлекала к себе внимание постановка школьного дела. Кустарный отдел раскрыл наглядно другую сторону нашей уральской жизни, именно то, чего нам недостает. Эта отрицательная роль отнюдь не умаляет положительных заслуг кустарного отдела а только указывает пути, по которым должна быть направлена общественная самодеятельность. Крупное горнозаводское дело с самого основания поставлено на таких льготных условиях, что было бы смешно говорить о каких-нибудь новых мерах к его дальнейшему развитию. В данном случае, оно важно для нас в том отношении, что оборотной стороной этой медали служат кустарные промыслы, этот темный мир маленьких, не субсидированных предпринимателей. По нашему мнению, для Урала вопрос о кустарных промыслах является делом первой важности, потому что именно здесь кустарное производство имеет самую законную и прочную почву для своего развития и процветания. Баснословные богатства края представляют для этого все средства, и можно только удивляться тому упорному противодействию, которое идет навстречу кустарям со стороны крупного горнозаводского дела. Естественнее было бы видеть обратное явление, именно поощрение крупными заводчиками кустарной промышленности, особенно металлической, потому что в лице кустарей заводчики имели бы на месте потребителей своих продуктов, а теперь вынуждены везти свое железо нижегородским кустарям. Мы еще раз наталкиваемся здесь на роковой закон, запрещающий на Урале огнедействующие заведения, благодаря которому каждый гвоздь, экс-

понировавшийся в кустарном отделе, являлся контрабандой, и благодаря ему же в Екатеринбурге, в центре уральского железа, мы вынуждены покупать стальные и железные изделия Бирмингама, Шеффилда, Золингена и всякой другой заграницы. Мы остановились на этом вопросе с особенной подробностью потому, что, по нашему глубокому убеждению, именно Екатеринбург должен служить крупным кустарным центром — в этом его будущее, мы искренно верим в такое будущее.

Мы заканчиваем нашу статью тем, с чего начали, именно той картиной,

которую рисовал в своем воображении «зачатель» Екатеринбурга, первый русский историк В. Н. Татищев: «знание и свободный труд должны идти рука об руку, — в этом залог всякого успеха. Формы — дело известного времени, а знание и труд — единственные двигатели всяких форм». Пожелаем же Екатеринбургу движения вперед в этом единственном направлении, чтобы он сделался действительно сердцем неистощимых сокровищ Урала.

Исторический очерк «Город Екатеринбург» печатается в сокращении по изданию: Очерки истории Урала. Екатеринбург, 1996. Вып. 1.

